

Остаточные образы прыжка сквозь пространство легкой пеленой покрывали восприятие Сын.

Она моргнула, и причудливые геометрические узоры перед глазами постепенно сменились привычным трехмерным пространством.

Вагон поезда оказался просторнее, чем она думала. Нет, дело было не в просторе — скорее, в ощущении некой сжатой, выверенной «точности».

Деревянные стены простирались по обе стороны и плавно сходились вверх мягким сводом, напоминая внутренность выдолбленного ствола огромного дерева.

Вдоль окон тянулись темно-красные бархатные сиденья, украшенные позолоченной резьбой на подлокотниках — узор складывался в непонятную ей звездную карту.

Воздух был насыщен запахами кожи, полировочного воска и... кофе?

— Пассажир Сын, — раздался у самых ног голос Пам-Пама. — Следуйте за Пам-Памом, проводится инструктаж по посадке, пам!

Сын опустила взгляд и увидела, что проводник смотрит на нее снизу вверх.

Под таким углом уши Пам-Пама — а это действительно были уши, длинные, пушистые, с крошечным пушком на кончиках — казались в свете ламп теплого каштанового оттенка.

Форма проводника теперь просматривалась отчетливее: темно-синее пальто проводника, золотые эполеты и блестящий значок звездного кольца на груди.

— Проводник, — Сын присела на корточки, чтобы оказаться с Пам-Памом на одном уровне. — Ты кролик?

Воздух вокруг замер.

Уши Пам-Пама выпрямились с заметной скоростью, словно две туго натянутые пружины.

Его усы задрожали, маленькие лапки сжались в кулаки, а значок на груди заходил ходуном в такт учатившемуся дыханию.

— Пам-Пам — проводник, пам! — его голос подскочил на октаву выше, смешивая детскую звонкость с достоинством оскорбленного в лучших чувствах существа. — Не кролик, не хомяк и вообще не какое-то грызунное создание, пам! Пам-Памы — уникальные проводники, душа Звездного экспресса, воплощение воли Освоения...

— Значит, кролик. — сказала Сын.

— Не кролик, пам!

— Но уши очень похожи.

— Это отличительная черта проводников, пам!

— У кроликов тоже есть такая черта.

Уши Пам-Пама вытянулись еще сильнее, а их кончики даже начали слегка розоветь.

Он замахал лапками в воздухе, словно пытаясь ухватиться за какое-то невидимое доказательство своей некроличьей природы.

Март 7 неподалеку прикрыла рот рукой, ее плечи сильно тряслись, а фотоаппарат на груди опасно раскачивался.

— Сын... — донесся сзади голос Дань Хэна, в котором звучали редкие, почти безвыходные нотки. — Настоятельно рекомендую прекратить ставить под сомнение видовую принадлежность проводника.

— Почему?

— Потому что предыдущего пассажира, который усомнился в этом, — наклонившись, шепотом произнесла Март 7, — Пам-Пам отчитывал целых три планеты...

— Пассажир Март 7! — Пам-Пам резко развернулся, и его уши почти сравнялись с потолком. — Пожалуйста, помолчите, пам! Дела прошлого пассажира — это тайна экспресса. Тайна, понимаете, пам!

Сын заметила, что при упоминании «прошлого пассажира» хвост Пам-Пама тревожно качнулось из стороны в сторону.

Какое-то шестое чувство подсказало ей, что «прошлый пассажир» был запретной темой на этом поезде, похожей на незаживающий рубец, который лучше не трогать.

— Прости, — произнесла она. — Мне просто любопытно.

Уши Пам-Пама медленно вернулись в нормальное положение, хотя их кончики по-прежнему сохраняли настороженную жесткость:

— Любопытство — добродетель первопроходца, пам. Но вежливость — тоже, пам. — Он повернулся, заложив лапки за спину. — За мной, пам. Госпожа Химеко ждет вас в вагоне-ресторане, пам.

Вагон-ресторан располагался в третьем вагоне поезда, а соединял их короткий коридор.

Стены коридора были увешаны фотографиями — не обычными снимками, а движущимися, испускавшими слабое сияние голограммами.

Сын увидела поезд, проносящийся сквозь горящую туманность, какого-то серебряноволосого мужчину с одиноким и гордым силуэтом у пульта управления, и группу расплывчатых фигур, поднимающих бокалы в свете звезд, чьи улыбки стерлись от прошедших лет.

— Это... — Сын остановилась.

— Прошлые пассажиры, — голос Март 7 стал тише. — Путь Освоения долг, так долг, что... некоторые сходят с него раньше времени.

Сын заметила, что пальцы Март 7 бессознательно теребят брелок фотоаппарата — крошечную бейсбольную битку, мерцающую в полумраке коридора.

Она не стала расспрашивать дальше и просто последовала за Пам-Памом.

Убранство вагона-ресторана напоминало винтажное кафе.

Круглые деревянные столики, высокие кожаные кресла и панорамное окно во всю стену — за которым простиралось не звездное небо, а струящееся янтарное сияние, похожее на остаточный след от прыжка.

Женщина с рыжими волосами стояла у панорамного окна, держа в руке чашку кофе и вглядываясь куда-то вниз.

Услышав шаги, она обернулась.

Первой мыслью Сын было: этот кофе определенно должен быть очень горячим.

Потому что улыбка Химеко излучала именно такое тепло — не обжигающе резкое, а в самый раз, ровно настолько, чтобы от него невозможно было отказаться.

Ее рыжие волосы спадали до пояса, слегка закручиваясь на концах, напоминая тихое пламя.

В темных глазах таилось что-то недоступное пониманию Сын: то ли безмятежность человека, пережившего слишком много расставаний, то ли упрямая надежда, продолжающая чего-то ждать.

— Добро пожаловать, Сын. — Голос Химеко оказался еще мягче ее улыбки. — Я Химеко, штурман экспресса. А еще... твой бариста.

Она подняла чашку. Поверхность кофе была гладкой, как зеркало, отражая звездные узоры потолочных светильников.

— Правило нашей команды, — произнесла Химеко. — Первую чашку кофе для нового пассажира я должна приготовить сама. Это не ритуал, это... традиция.

Сын приняла чашку.

Аромат кофе оказался гораздо сильнее, чем она ожидала, с нотками жженой горечи, словно из зерен глубокой обжарки выжали последнюю каплю души.

Она заглянула внутрь: в янтарной жидкости плавали крошечные светящиеся точки — или ей показалось?

— Пей, — улыбнулась Химеко. — Не спеши.

Сын сделала глоток.

Ее система управления мимикой потерпела полный крах за 0,3 секунды.

Этот вкус невозможно было точно описать словами.

Горький, но не обычной горечью, а с каким-то металлическим оттенком, казалось, разъедающим язык.

Терпкий, будто надкусила незрелую хурму.

И еще с каким-то... привкусом земли? Или машинного масла?

Горло Сын автоматически совершило глотательное движение, но мозг безумно вопил: Выплюнь! Немедленно выплюнь!

Она подняла голову и встретила взглядом с Химеко.

В тех темных глазах все еще играла улыбка, но Сын уловила в них нотку ожидания, долю испытующего любопытства и лукавство, граничащее с озорством.

Химеко ждала ее реакции.

Ждала, что она скажет вкусно, или спасибо, или выдаст любую другую ложь, соответствующую правилам приличия.

Сын проглотила.

Весь пищевод протестовал, но выражение ее лица было уже собрано заново: уголки губ приподняты, брови расслаблены, во взгляде читается искренность.

— ...Очень вкусно, — произнесла она.

Улыбка Химеко стала шире:

— Правда?

— Правда, — голос Сын горчил сильнее кофе. — Обладает... уникальным вкусом.

— Уникальным вкусом гари? — вставила со стороны Март 7. — Когда я попробовала в первый раз, меня тут же вырвало...

— Март 7. — предупреждающий тон Дань Хэна.

— Но Сын просто невероятна! — тут же поправилась Март 7. — Высший балл за контроль лица!

Химеко поставила свою чашку, подошла к Сын и аккуратно поправила воротник ее куртки.

В этом жесте сквозило какое-то материнское тепло, пробудившее у Сын обрывки недостижимых воспоминаний — некий расплывчатый женский силуэт точно так же поправлял ей воротник.

— То, что ты смогла это проглотить, — тихо произнесла Химеко, — делает тебя лучше прошлого пассажира. Он вылил все в кадку с цветами.

— Цветок умер? — спросила Сын.

— Прожил три месяца, — Химеко отступила на шаг. — А потом стал пахнуть кофе.

Сын посмотрела на оставшиеся на дне две трети чашки и вдруг подумала, что протесты ее собственного пищевода были вполне обоснованы.

— Влац... кхм, Вэльт ждет тебя в библиотеке, — сказала Химеко. — У него есть кое-какие... теории, которыми он хотел бы поделиться. Насчет Мира.

Библиотека находилась в пятом вагоне экспресса, она была тише и темнее вагона-ресторана.

Книжные полки тянулись от пола до потолка, заставленные настоящими бумажными книгами — анахронизм для цифровой эпохи.

Мужчина в очках сидел в кожаном кресле у окна, держа в руках толстый фолиант в твердом переплете, надписи на корешке которого Сын не понимала.

— Вэльт Янг, — представил его Дань Хэн. — ...Советник команды экспресса.

Вэльт поднял голову.

Лицо его казалось моложе, чем Сын ожидала, но усталость во взгляде совершенно не соответствовала возрасту.

Глаза за стеклами очков были темно-карими, похожими на две затянутые опавшей листвой тихие заводы.

Он закрыл книгу, и Сын успела заметить на обложке странный символ — окружность с трещиной посередине, напоминающую затянутую рану.

— Носитель Звездного ядра, — голос Вэльта звучал низко и ровно. — До тебя я уже встречал подобные случаи. В разных мирах, разных вселенных и даже на разных... уровнях повествования.

— Уровнях повествования? — переспросила Сын.

— Можно сказать и так, — Вэльт поправил очки. — Существуют бесчисленные параллельные миры, и в каждом из них разворачиваются похожие, но отличающиеся истории.

В некоторых мирах есть человек по имени Вэльт, который занимается тем же, что и я, но в деталях всё совершенно иначе. Мы — иномирные варианты друг друга.

Сын попыталась переварить эту концепцию.

Ее взгляд упал на книгу в руках Вэльта, где символ с трещиной слабо поблескивал в тусклом свете.

— Выходит, — произнесла она, — в каком-то мире тоже есть «я»?

— Возможно, — ответил Вэльт. — А возможно, и нет. Носители Звездного ядра — особые создания, и само твое существование способно нарушить стабильность уровня повествования.

Он поднял руку ладонью вверх.

В воздухе внезапно возникла крошечная черная точка.

Не тень, не пятно, а нечто... поглощающее свет.

Она зависла над ладонью Вэльта, медленно вращаясь, а воздух вокруг нее искажался от воображаемого жара.

Страницы книг на полках зашелестели без всякого ветра.

— Имитация черной дыры, — пояснил Вэльт. — Воплощение моих способностей. Она способна поглощать материю и... концепции.

Бейсбольная бита Сын внезапно нагрелась.

Не просто потеплела, а вспыхнула почти обжигающим жаром, идущим изнутри самого древка.

Она инстинктивно сжала рукоять, чувствуя, как бледно-голубой тонкий узор на ней бешено пульсирует, словно потревоженная змея.

Еще страннее было то, что бита словно «жаждала» — не от страха или отторжения, а испытывая некий вид... голода?

— Твое оружие, — взгляд Вэльта переместился на биту, а брови слегка сошлись на переносице, — оно резонирует.

— Резонирует? — Сын опустила глаза на биту: по ее серебристо-серой поверхности побежала едва заметная волна света, вступая в странный отклик с черной дырой на ладони Вэльта.

— Не с моей черной дырой, — Вэльт опустил руку, и черная точка растворилась в воздухе. — А с самой концепцией «поглощения». Твое оружие... обладает неким первобытным, еще не определенным свойством. Оно не имитирует черную дыру, оно... учится.

Сын вспомнила ощущение, когда она разбила куклу Хэйты.

Это жадное, алчное поглощение.

В тот момент, когда потоки данных вливались в древко, она чувствовала не собственную волю, а нечто исходящее от самого оружия?

— Рекомендую держаться на расстоянии, — раздался звуковой сигнал терминала Дань Хэна, — пока характеристики оружия не будут полностью изучены.

— Их не изучить, пам! — неизвестно откуда появившийся в дверях Пам-Пам поник ушами, будто только что совершил долгий и изнурительный марафон. — Оружие прошлого пассажира тоже не смогли изучить, и в итоге...

— Пам-Пам! — одновременно воскликнули Март 7 и Дань Хэн.

Проводник тряхнул ушами, заложил лапки за спину и сменил тему:

— Время объявления правил, пам! Все новые пассажиры обязаны слушать, пам!

Он прошел в центр библиотеки и встал на низкую скамеечку — только так его макушка едва возвышалась над уровнем стола.

Но осанка по-прежнему оставалась прямой, а значок на форме ярко поблескивал в полумраке.

— Правило первое Звездного экспресса, — голос Пам-Пама стал торжественным. — Запрещается использовать оружие массового поражения внутри вагонов, пам!

Включая, но не ограничиваясь: генераторы черных дыр, устройства детонации звездных ядер, оружия причинности и... — его взгляд скользнул по бите Сын, — ...любые неопознанные объекты, обладающие свойствами поглощения, пам.

Сын чуть дальше спрятала бейсбольную биту за спину.

— Правило второе, — продолжил Пам-Пам. — Запрещается обижать проводника, пам! Включая, но не ограничиваясь: сомнения в видовой принадлежности, дергание за уши, поглаживание хвоста и именование проводника любыми эпитетами, кроме «милый», пам.

— А «милый» можно? — спросила Сын.

— «Милый» — это констатация факта, пам! — уши Пам-Пама дернулись вверх, но он тут же

силой прижал их обратно. — Это не комплимент, пам!

— Правило третье... — голос Пам-Пама внезапно отяжелел, словно каждое слово несло в себе груз нежелательных воспоминаний. — Категорически запрещаются любовные интриги, пам!

Сын остолбенела.

— Любовные интриги? — переспросила она. — Какие еще интриги?

Пам-Пам ответил не сразу.

Его уши опустились еще ниже, а хвост тревожно обвился вокруг собственной лодыжки.

В библиотеке стало так тихо, что было слышно, как медленно окисляется бумага на какой-то книге в дальнем углу полки.

— Потому что прошлый пассажир... — Март 7 подбежала ближе, ее голос упал почти до шепота, выходящего едва ли не сквозь зубы. — Он умудрился завести роман сразу с тремя...

— Пассажир Март 7! — пронзительный визг Пам-Пама прорезал воздух, и его уши почти поравнялись с потолком. — Пожалуйста, заткнитесь, пам! Дела прошлого пассажира — государственная тайна! Высший уровень секретности, пам!

Март 7 зажала рот руками, но огонек сплетен в ее глазах продолжал полыхать.

Она толкнула Сын лодкой в бок, выразительно моргая и показывая видом: потом расскажу наедине.

Сын посмотрела на Дань Хэна, пытаясь вытянуть хоть какую-то информацию из него.

Но тот уже отвернулся, подняв экран терминала высоко перед собой, полностью загородив им лицо.

Только пальцы продолжали стучать по стеклу с такой скоростью, будто он пытался замести следы преступления.

— В общем, — Пам-Пам глубоко вздохнул, и его уши медленно опустились. — Третье правило — самое главное, пам. Звездный экспресс — дом для первопроходцев, а не... не...

— Не брачное агентство? — сорвалось у Сын с языка.

— Не поле боя сердец, пам!

Пам-Пам сопрыгнул со скамеечки, заложил лапки за спину и принялся расхаживать туда-сюда по библиотеке.

Его хвост волочился по полу, напоминая унылое перо.

— Прошлый пассажир... — наконец заговорил он, и голос его звучал так тихо, будто он говорил сам с собой. — Был хорошим человеком, пам. Очень сильным, очень нежным и... очень популярным, пам. Но он не умел держать «дистанцию», пам. Он думал, что «освоение» — это сбор всего, до чего можно дотянуться, включая...

Пам-Пам замолчал, его уши нервно дернулись.

— Включая что? — спросила Сын.

— Включая чужие сердца, пам. — Пам-Пам повернулся и в упор посмотрел на Сын своими темными глазами. — Он ранил многих людей, пам. Не специально, пам. Но боль есть боль, пам.

Библиотека вновь погрузилась в тишину.

Янтарное сияние за окном постепенно таяло, сменяясь подлинным звездным небом — глубоким, холодным, но бесконечно сияющим океаном космоса.

Сын вгляделась в эти далекие звезды и вдруг отчетливо поняла, что каждая из них вполне может быть отдельным миром, и в каждом мире разворачивается чья-то история «прошлого пассажира».

— Я не буду этого делать, — произнесла она.

— Что? — переспросил Пам-Пам.

— Я не стану... — Сын подбирала слова. — Собирать чужие сердца.

Она крепче сжала бейсбольную биту, ощущая ровный и мягкий пульс той самой бледно-голубой линии на древке, словно это было сердце, заново учившееся биться.

— Я просто хочу... — сказала она. — Найти себя. Найти ответ на вопрос «кто я».

Пам-Пам долго смотрел на нее.

Затем его маленькая лапка протянулась и легко коснулась колена Сын.

Прикосновение оказалось теплым и мягким, неся в себе какую-то невидовую, почти священную нежность.

— Тогда ступай, пам, — произнес Пам-Пам. — Звездный экспресс доставит тебя куда угодно, пам. Только запомни...

— Помнить правила?

— Помни, — уши Пам-Пама слегка приподнялись. — Каждый на этом экспрессе — твоя семья, пам. А в семье не бывает «сбора», в семье бывает лишь «путь рядом», пам.

Сын посмотрела на Пам-Пам, на его темные, полные серьезности глаза.

Какое-то странное чувство разлилось в груди, словно позабытое зернышко дало первые ростки.

— Семья, — повторила она.

— Семья, пам, — подтвердил проводник.

Март 7 издала рядом преувеличенно громкий всхлип, вскинув фотоаппарат к самому лицу:

— Как трогательно! Я обязана это запечатлеть! Трогательный момент: проводник и новый пассажир!

— Пассажир Март 7, — уши Пам-Пама встали торчком. — Никаких фотографий, пам!

— Это искусство!

— Искусство требует согласия, пам!

Терминал Дань Хэна издал короткий сигнал.

Он бросил взгляд на экран, и его губы вновь изогнулись на три миллиметра — на этот раз Сын была уверена, что это была улыбка.

— Запись завершена, — произнес он. — Метка: «Первое примирение между Белой Гривой и проводником».

— Примирение? — Сын повернула голову.

— От «сомнений в кроликах» до «подтверждения семьи», — бесстрастно констатировал Дань Хэн. — Затрачено сорок семь минут, новый рекорд.

— А сколько потратил прошлый пассажир?

— ...Настоятельно рекомендую не сравнивать.

Пам-Пам уже дошел до дверей библиотеки, придерживая лапкой дверной косяк, и обернулся, бросив на Сын прощальный взгляд.

В этом взгляде читались и надежда, и тревога, и какое-то почти отеческое попустительство.

— Время ужина, пам, — произнес он. — Химеко приготовила свое «фирменное рагу», пам. Рекомендую...

Он осекся, и уши его задрожали.

— Что рекомендуешь?

— Рекомендую пассажиру Сын сохранить только что продемонстрированный навык контроля лица, пам.

Сын опустила взгляд на остывший кофе в своей руке и внезапно почувствовала, что протесты в ее пищевode стали сущим пустяком.

Экспресс мчался сквозь звездное море, рассекая ночь, словно клинок.

А ее семья — эта странная компания: розовая девчонка, стреляющая льдом, хладнокровный архивариус, штурман-бариста, советник по черным дырам и зверек, упорно выдававший себя за «проводника» — окружала ее тесным кольцом еще до конца не замкнутого круга.

В каком-то недостигаемом измерении всплывала новая строка символов:

□Глава 4. Конец□

□Глава 5. Достижение разблокировано: Признание проводника□

□Анонс следующей главы: Первый срыв Звездного ядра□

Сын моргнула.

Символы исчезли.

Но она знала: нечто прямо сейчас писало ее историю.

Не Хэйта, не Вэльт и не какое-либо из известных ей существ.

Нечто более далекое, насмешливое и «радостное».

И на этот раз она не стала произносить это имя вслух.

Она лишь посильнее сжала бейсбольную битку и последовала за Пам-Памом в вагон-ресторан, навстречу той самой тарелке рагу, которая, судя по всему, требовала абсолютного владения мимикой.

Путешествие Освоения только начиналось.

<http://bllate.org/book/19707/1938006>